

Я знаю, что ты невиновен

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Я знаю, что ты невиновен

<https://litres.ru/74574837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нина Ракшина оплачивает адвоката человеку, которого подозревают в убийстве её мужа. Она точно знает, что Артём невиновен. Потому что убила сама.

Артём выходит на свободу и благодарит женщину, которая не отвернулась от него. Но работа потеряна, а его сыну приходится отвечать на чужие обвинения. Освобождения мало: Артёму нужно вернуть своё имя и понять, кто в действительности застрелил его бывшего начальника.

Он принимает её помощь, делится догадками, доверяет её советам. А она всё ещё надеется устроить его жизнь так, чтобы он перестал задавать вопросы.

Содержание

Глава 1. Счёт на защиту	4
Глава 2. Весь вечер	16
Глава 3. До пятницы	28
Глава 4. Остальное доплатим	39
Глава 5. До конца фразы	50
Глава 6. До восьми	62
Глава 7. Домой вернулся	72
Глава 8. Его рубашка	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

А.М. Сунгурский

Я знаю, что ты невиновен

Глава 1. Счёт на защиту

Нина привезла деньги в конверте, хотя по телефону адвокат просил ничего не привозить. Она положила его рядом с чашкой, придвинула к Сергею Завьялову и только после этого расстегнула пальто. В кабинете было жарко. У окна работал маленький обогреватель; на его решётке лежал белый клочок, похожий на бумажную пыль.

— Сто двадцать, — сказала она. — Если нужно больше, я могу сегодня перевести. Только скажите сейчас, чтобы я не возвращалась.

Завьялов посмотрел на конверт, потом на неё.

— Возьмите обратно.

— Я понимаю, нужен договор. Вы подготовьте, я подожду.

— Деньги возьмите. Они возле воды.

На столе действительно стояла чашка с водой. Нина приняла её за чай. Адвокат отодвинул чашку и подождал, пока она уберёт конверт в сумку. От этого простого движения ей стало неловко, словно она попыталась расплатиться в чужом доме за обед.

У Сергея были усталые глаза, короткие светлые волосы и

рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. На спинке стула висел пиджак; возле рукава торчал бумажный уголок из внутреннего кармана. Кабинет она представляла иначе — с тёмным столом, тяжёлыми папками и человеком, которому можно объяснить главное одним словом. Здесь за стеной кто-то спорил о картридже, а возле ножки стола стояла чашка с надписью «Лучший дед», набитая ручками.

— Артём знает, что вы ко мне приехали? — спросил Завьялов.

— Лена дала ваш телефон.

— Я спросил об Артёме.

— Она ему передаст.

Адвокат сел удобнее, отодвинув стул от стола.

— Елена не может сейчас просто зайти к нему и передать. Сегодня я сам с ним поговорю. Если он согласен принять вашу помощь, определим порядок оплаты. Сначала скажите, чего вы хотите.

Нина провела ладонью по колену. На чёрной ткани осталось светлое волокно от шарфа.

— Чтобы его выпустили.

Она убила Григория в понедельник вечером. Во вторник забрали Артёма. Теперь, утром в среду, между двумя этими событиями стоял чужой письменный стол, и Нина пыталась сделать так, чтобы второе можно было отменить отдельно от первого.

Григорий не потерял равновесия, не потянулся к ней, не

вынудил защищаться. Когда она подняла ружьё, он успел сказать её имя с досадой, как говорил, если она начинала спорить при работниках. Она помнила эту досаду лучше самого звука выстрела. И нажала сама.

— На каком основании? — спросил Завьялов.

— Он этого не делал.

— Что именно вам известно?

— Я знаю Артёма двенадцать лет.

Адвокат опустил взгляд на чистый лист. Ничего не записал.

— Это я записать могу. Только в суде спросят про понедельник. Что было в понедельник?

Нина сцепила руки под столом. У неё было множество сведений о понедельнике, и почти каждое она должна была обойти.

Она видела, как Григорий отложил телефон, когда услышал, что пришла она. Видела непривычно пустую поверхность его стола: старые образцы он выбросил, большую кружку переставил на подоконник. В тот вечер он как будто уже выехал из их жизни, оставив тело закончить несколько дел. Потом приехал курьер. Григорий вышел к нему, оставив Нину в комнате, и некоторое время говорил о том, что привезли не весь заказ. Вернулся с узкой коробкой, на крышке которой расплылся мокрый отпечаток чужого пальца, и поставил её возле двери.

Теперь она могла спасти Артёма, рассказав это. Могла

произнести три короткие фразы, после которых адвокат перестал бы смотреть на часы и разбираться, согласен ли его подзащитный принять сто двадцать тысяч.

— Они поссорились, — сказала Нина. — Гриша рассказывал мне о расчёте. Не всё, я потом выясняла. Артёму обещали одну сумму, а удержали другую. Там были претензии к заказам, к бумаге. Он разозлился.

— Вы присутствовали при ссоре?

— Нет.

— Тогда разделим. Что вы слышали от мужа, что от Артёма, что видели сами.

— Я поэтому к вам и пришла. Вы умеете это разделять.

Завьялов посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Иногда. Если мне дают то, что есть.

За стеной хлопнула дверь. Женский голос сообщил, что полосы появились после заправки и до заправки их не было. Нина невольно представила картридж, вынутый из аппарата, грязные пальцы человека, который сейчас доказывает, что заправил его правильно. В мастерской она бы уже подошла. Здесь пришлось остаться на стуле и слушать, как спорят без неё.

— Лена говорит, вы вчера были у него, — произнесла она.

— Был.

— Он как?

— Устал. Сердится. Плохо слышит вопрос, если считает его несправедливым.

Нина кивнула. Артём так и на работе разговаривал. Сначала отвечал на то, что, по его мнению, человек собирался сказать, и только потом — если собеседник ещё не ушёл — на сами слова. Григорий любил доводить его до этого состояния и поворачиваться к Нине: «Видишь, с ним невозможно обсуждать».

— Он может наговорить, — сказала она. — От злости. А потом сам же переживает.

— Он уже сообщил, что в другой мастерской работал вечером. Это проверяется.

У Нины дрогнули руки. Она расцепила их, чтобы движение не было заметно.

— У Усольцева?

— Стоп. Дальше уже наш с ним разговор.

— Я знаю, что он туда ходил. Это не тайна.

— Вот у него и спросите. Разрешит мне — расскажу.

Нина открыла сумку, достала телефон и положила перед собой. Экран тут же загорелся: «Маша». Она перевернула аппарат.

— Я не прошу ничего личного. Мне нужно понимать, что происходит. Я ведь не посторонняя.

— Ваш муж погиб. Вы можете быть участником дела со своими правами. Я защищаю другого человека. Если вы оплатите мою работу, это останется так.

Он произнёс это ровно, без попытки смягчить или подчеркнуть. Нина почувствовала раздражение — короткое, по-

что приятно, потому что оно было знакомее страха. Она предлагала деньги, которых у Беловых не было. Приехала сама через день после смерти мужа, ещё не договорившись обо всём на похороны. А этот человек устанавливал между ними границу так тщательно, будто именно её помощь могла испортить дело.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте пока о том, что могу сделать я.

Завьялов придвинул лист.

— Вы работаете в «Бумажном дворе»?

— Я директор.

— Кто принимал заказы в понедельник вечером?

— До семи — Тася. Дизайнер. Потом Гриша оставался. Он часто говорил людям, что можно заехать поздно. Его ещё ждали поставки. У нас в тот день были образцы плотной бумаги. Часть для одного клиента, часть в запас.

— Вы делали заказ?

— Да. Утром согласовала состав. Там должны быть письмо и счёт.

— Тогда можете передать сведения о поставщике и заказе. Я уточню у Артёма и обращусь с тем, что потребуется. Но сначала сохраните исходную переписку. Не нужно собирать её в удобный пересказ.

Нина потянулась к телефону. Маша уже перестала звонить и прислала сообщение: «Ты где? Я приехала».

— Я сейчас найду.

Она открыла почту, слишком быстро пролистнула два письма и вернулась. Счёт был от пятницы; изменение состава — в понедельник утром. В 11:16 она попросила добавить ещё двадцать листов. Григорий позже ругался, что она опять заказывает материалы раньше, чем клиент подтвердил весь тираж. Обычный разговор. Она могла бы теперь без запинки пересказать его в любом кабинете.

Подтверждение пришло в 11:42. В нём было сказано, что точное время доставки сообщат получателю.

— Вот, — сказала она. — На его номер должны были звонить.

Завьялов переписал название поставщика и номер заказа. Спросил, кому ещё известна эта поставка.

— Тасе. Она подбирала образцы с клиентом.

— Хорошо. Вы можете прислать само письмо?

Нина переслала и сразу почувствовала облегчение. Она нашла поступок, который можно было совершить открыто. В её письме не было ни комнаты, ни ружья, ни мужа, который ещё успел недовольно спросить, зачем она вернулась. Чужой человек получит номер заказа, позвонит другому чужому человеку, и они восстановят то, что ей нельзя было сообщить самой.

— Если выяснится, что курьер видел его позже, это поможет? — спросила она.

— Поможет установить время. Дальше надо смотреть вместе с другими сведениями.

— Но Артём мог уже быть в другом месте.

— Мог. Давайте сначала получим ответ. Иначе я вам сейчас пообещаю, а вечером придётся звонить и объяснять, что всё оказалось сложнее.

Нина уже представляла конец: дверь открывается, Артём выходит, Елена обнимает его, а она остаётся в стороне. Ей не нужны были слова благодарности. Достаточно, чтобы стало ясно: она не позволила этому случиться.

Телефон снова зазвонил.

— Ответьте, — сказал Завьялов. — Я пока сделаю копию реквизитов.

Нина встала и вышла в коридор. Возле копировального аппарата лежали несколько листов с серыми продольными полосами. Женщина в вязаной жилетке прижимала один из них к груди, как свидетельство личной обиды.

— Мам, ты куда уехала? — спросила Маша.

— По делу. Скоро буду.

— По какому? Бабушка здесь сидит. Я не знаю, что ей говорить. Она спрашивает про рубашку.

— В шкафу, справа. Светлая, новая.

— Я не про то, где рубашка. Она спрашивает, почему эту. Он её не любил.

Нина закрыла глаза. Григорий сам заказал эту рубашку через интернет, выстирал и только потом примерил: рукава оказались коротки. Нина уверяла, что под пиджаком не видно. Он молча вытянул перед ней руки, показывая голые за-

пьястья, и она всё-таки засмеялась. Рубашка с тех пор лежала отдельно от тех, которые он носил.

— Возьмите другую, — сказала Нина.

— Какую?

— Маш, которую она хочет.

— Она хочет с коротким рукавом. А холодно.

Дочь замолчала. Нина слышала её дыхание и чей-то кашель в квартире. На мгновение ей показалось, что достаточно сказать Маше, куда позвонить, что купить, какую рубашку достать, — и всё это останется обычной семейной трудностью, которую можно распределить между живыми.

— Ему уже не холодно, — тихо произнесла Маша. — Я сама поняла. Не надо отвечать.

Нина прижала свободную ладонь к стене. Краска была шероховатой и тёплой.

— Я приеду через полчаса.

— Ты в мастерской?

— Нет. У адвоката.

— У какого адвоката?

Из кабинета выглянул Завьялов, увидел, что она ещё разговаривает, и снова закрыл дверь.

— Артёмова. Надо помочь Лене.

Дочь не сразу ответила.

— Сейчас?

— Его держат. У них нет денег.

— Мам. У нас папа лежит там, а ты поехала устраивать

адвоката человеку, который ему угрожал?

Нина посмотрела на листы у аппарата. Серые полосы были ровными, через одинаковое расстояние. В иной день ей хватило бы одного взгляда, чтобы решить, с чего начать.

— Он не убивал твоего отца.

— Откуда ты знаешь?

Этот вопрос сегодня прозвучал уже второй раз. У Завьялова он требовал сведений. У дочери — чего-то, что нельзя было переслать письмом.

— Я знаю его давно.

— Папа тоже знал.

— Не будем по телефону.

— А где будем? Ты всё время куда-то уходишь. Скажи хотя бы, когда тебя ждать.

— Через полчаса, Маш. Я обещала.

Она закончила разговор и некоторое время стояла, не убирая телефон. Женщина возле аппарата перевернула свой испорченный лист и посмотрела на него с обратной стороны.

— Бумагу ещё испортили, — сказала она неизвестно кому. — Мне на этих оборотах печатать нельзя, там заявление.

Нина открыла дверь кабинета.

Завьялов положил на край стола лист с реквизитами. О конверте он больше не вспоминал. Сначала ему предстояло поговорить с Артёмом, затем оформить оплату.

— Сегодня постараюсь связаться с поставщиком, — сказал он. — Вам лучше сообщить эти сведения и следовательно,

если ещё не сообщили.

— Да. Я сообщу.

— И ещё. Я не знаю, что именно сейчас говорят о вашем муже. Если вы вспоминаете что-то относящееся к делу, не выбирайте только то, что кажется полезным Артёму.

Нина взяла лист. Бумага была тонкой; сквозь неё просвечивал номер, напечатанный с другой стороны. Адвокат заметил её взгляд.

— Черновик старого расчёта. Здесь никаких данных клиента нет.

— Я не об этом.

— А о чём?

Она хотела сказать: мы могли бы снабжать вас нормальной бумагой. Это была первая готовая мысль, которая пришла ей в голову, — предложить человеку что-нибудь, чего ему недостаёт, и оставить за собой возможность позвонить ещё раз.

— Ни о чём. Спасибо.

Завьялов проводил её до двери. В коридоре спор о картридже наконец закончился: мужчина убрал его в пакет и обещал вернуться после обеда. Женщина собрала листы, аккуратно совместив углы.

На лестнице Нина остановилась, чтобы застегнуть пальто. Конверт лежал в сумке поверх всего остального. Она достала его, переложила под кошелёк и проверила телефон. От Маши пришла фотография двух рубашек на кровати. Снизу

короткое: «Эту бабушка выбрала».

Нина увеличила снимок. Светло-голубая ткань, короткий рукав, потёртый край кармана. Григорий носил эту рубашку летом на даче и однажды прожёл её сигаретой, хотя обещал Маше бросить. Маленькую дырочку возле нижней пуговицы на фотографии было видно очень хорошо.

Она написала: «Да, эту» — и отправила прежде, чем снова попыталась подобрать лучший вариант.

Глава 2. Весь вечер

Артём хотел спросить про сына, но сначала спросил, во сколько его выпустят.

Завьялов положил на стол папку. Из неё выпал короткий карандаш, укатился к краю; адвокат поймал его ладонью и положил поперёк листа.

— Сегодня обещать не могу. Давайте разберём понедельник ещё раз.

— Я уже разбирал.

— Со мной — один раз. И не весь.

— Весь. Я вам от начала до конца рассказал.

Артём сел, чувствуя, как край стула упирается в бедро. Он плохо спал и теперь старался держаться прямо: стоило опустить плечи, глаза начинали закрываться.

Поздно вечером его уже возили в суд. Судья признала задержание законным и обоснованным, а Завьялов попросил время на дополнительные документы против заключения под стражу. Вопрос о мере отложили до четверга; задержание продлили до четырёх часов дня. Вернувшись, Артём лежал и слушал чужое дыхание, скрип, шаги. Не мог поверить, что все согласились ещё ждать, пока он остаётся здесь. Казалось, вопрос его освобождения всё-таки решается где-то неподалёку и нельзя пропустить, когда назовут фамилию.

Назвали утром, но не затем, зачем он ждал.

— Лена как? — спросил он.

— Разговаривал с ней перед тем, как приехать. На работе.

— Егор?

— Дома. Сегодня в школу не пошёл.

Артём провёл ладонями по лицу. Вчера, когда его забирали, Егор вышел в коридор в одном носке. Вторым держал в руке. Артём велел ему одеться и не стоять на холодном полу. Сказал это тем же голосом, каким говорил каждое утро, и на мгновение поверил, что всё ещё может этим голосом что-нибудь решить.

— Почему не пошёл?

— Елена считает, что ему лучше побыть дома.

— Наоборот. Если дома останется, они что подумают?

— Кто?

— Все.

Завьялов подождал, пока он отнимет руки от лица.

— Сын вчера видел, как вас увезли. Один день дома ещё ничего не решает. Что ему передать от вас?

— Что я скоро вернусь.

Адвокат не записал.

— Передам. Но дня не назову, Артём. Не заставляйте меня ещё и ребёнку обещать то, чего я не знаю.

Артём посмотрел на его карандаш. Маленький, погрызенный с конца, хотя Завьялов не походил на человека, который станет грызть карандаш. Откуда-то взял. Дома такими чертили отметки на стене, когда ставили Егору полку. Артём то-

гда промахнулся на полсантиметра и до вечера слушал, что у человека, работающего руками, может быть кривой глаз.

— Передайте, чтобы не сидел в телефоне, — сказал он.
— Лучше веломастерскую свою разобрал. Там цепь в пакете, всё в песке. Я обещал ему в выходные.

Завьялов сделал короткую запись.

— И что люблю его.

— Передам.

Артём отвернулся. Он не говорил сыну этого при посторонних. Не потому, что стеснялся или считал ненужным; просто так не получалось. Когда Егор был маленький — говорил, а потом появились другие слова: убери, принеси, давай помогу, не дёргай. Вчера в коридоре тоже можно было сказать, но он выбрал носок.

— Теперь о понедельник, — произнёс Завьялов. — Во сколько вы пришли к Ракшину?

— После шести. Я же говорил. Минут пять седьмого, может, десять. Посмотрел на часы у входа.

— Что у вас было с собой?

— Телефон, кошелёк. Пакет для вещей. Мне ещё своё забрать надо было.

— Какой пакет?

— Обычный. Магазиновый. Вы думаете, ружьё в нём принёс?

— Про ружьё вы сейчас сами спросили. Мне пока нужен пакет: какой и что внутри.

Он сразу понял, что опять делает это: отвечает на ещё не заданное обвинение. Прикусил язык. Во рту было сухо; попросить воды почему-то не хотелось, будто ещё одна просьба отнимет время у главной.

— Синий. С ручками. Там куртка рабочая была, термос. Кружка осталась, я потом хотел заехать. Ящик у Фёдора был с субботы.

— Деньги вам выдали?

— Тридцать четыре тысячи. Должны были восемьдесят шесть.

— Это ваша зарплата по документам или общая договорённость?

— Там зарплата и за два заказа. Я объяснял Латышеву, он всё считал. Гриша взял и вычеркнул пятьдесят две. Якобы за бумагу, брак и то, что я у него клиентов забирал.

— Забирали?

Артём посмотрел на него зло.

— Мне человек позвонил. Один. Ему надо было быстро. Я сказал, что здесь не успеем, можно у Фёдора. Сам вечером помог, получил деньги за работу. Станок их не трогал, бумагу их не брал. Если человек со мной двенадцать лет разговаривает, он что, собственность Гриши?

— Я понял. Удержание будем разбирать отдельно. Сейчас мне важно, что было сказано при расчёте.

— Сказал ему, что он вор.

— Дальше?

— Он мне — что я вор. Обычно у нас быстро получалось договориться.

Завьялов чуть улыбнулся, и Артём на секунду ощутил прежнюю ловкость: можно сказать смешно, другой поймёт, и разговор повернётся туда, куда нужно. Но адвокат не стал развивать шутку.

— Что вы ему угрожали сделать?

— Ничего.

— Артём.

— Я не... — Он остановился. — Я не собирался.

— Это другое. Что сказали?

Он посмотрел на дверь. Закрыта. Разговор был их, адвокат объяснил это ещё вчера. Всё равно требовалось усилие, чтобы произнести здесь слово, которое теперь могло ходить отдельно от него по чужим кабинетам.

— «Ещё раз про сына скажешь — убью». Вот что сказал.

— Что он говорил про сына?

— Что я и Егора научил тащить. Егор приходил летом, помогал коробки таскать. Гриша ему дал обрезки бумаги, он дома блокноты клеил. Сам дал. А теперь вспомнил, будто я ребёнка прислал воровать. Я ему сказал: не трогай мальчишку. Он опять. Ну я и...

Завьялов записал фразу целиком.

— Кто слышал?

— Тася. Наверное. Она за перегородкой сидела, могла в наушниках быть. Я не смотрел.

— До этой фразы вы его били, толкали, подходили вплотную?

— Нет.

— Что было после?

Артём вздохнул.

— Он сказал, что напугаю кого-нибудь другого. И что я ещё посмотрю, сколько стоит такой специалист без его помещения. Я забрал деньги. Ушёл.

Это было хуже всего: забрал деньги. Вчера ночью Артём снова и снова возвращался к этому месту, будто можно было оставить на столе тридцать четыре тысячи и вместе с ними отказаться от всего, что случилось потом. Но он сложил купюры, сунул в карман и даже пересчитал на лестнице. Ему нужны были деньги на жизнь, и теперь это простое обстоятельство казалось признанием, что Григорий вправе был выдать ему сколько захочет.

— Во сколько ушли?

— В телефоне посмотрел уже на улице. Двадцать четыре седьмого.

— Эту минуту вы сразу запомнили или восстановили потом?

— Потом. Лене набирал. В списке звонков было.

— Разговор состоялся?

— Нет. Она не взяла. Потом перезвонила, когда я у Фёдора был.

— Хорошо. Дальше вы поехали к Усольцеву?

— Да. Он меня ждал. К семи договорились, я раньше приехал. Без четверти, наверное.

— И были там до девяти?

— До десяти минут десятого. Или четверти. Я не засекал каждое движение.

— Вы сказали вчера: весь вечер, никуда не уходил.

— Ну да.

— Фёдор подтвердит именно это?

Артём уже открыл рот и вдруг вспомнил тёплый бумажный пакет. Держал его одной рукой, другой искал мелочь. Сыр из булки вытек и прилип к салфетке. Он принёс три булки, одну оставил Фёдору, а тот сказал, что не ест с колбасой.

— За едой выходил, — произнёс он.

Завьялов поднял голову.

— Когда?

— Ну, вскоре. Мы начали, потом оказалось, он с обеда не ел. Я тоже. Я сходил в магазин.

— В какой?

Артём назвал улицу, но номер не вспомнил. Небольшой магазин при пекарне, туда от Фёдора минут десять, если не торопиться. Он ходил и раньше. К двери вёл высокий порог, с которым всегда мучились женщины с колясками.

— Сколько вас не было?

— Полчаса. Может, чуть больше. Там очередь.

— Как оплачивали?

— Наличными.

Адвокат положил карандаш.

— Почему вчера не сказали?

— Я не вспомнил. Это же не... Я в мастерскую Гриши не возвращался. Вообще в другую сторону ходил.

— Нам нужно знать, что вы делали. Весь вечер — это весь вечер. Полчаса снаружи меняют рассказ.

— Но не то, что я сделал!

Он сказал громко, сам услышал и понизил голос.

— Я не убивал его. Я булки покупал. Не знаю, как вам это сказать, чтобы вы перестали смотреть так.

— Хорошо. Проверим магазин. Вы можете сейчас вспомнить, кто там был?

Артём прижал ладони к коленям. От него требовали помнить женщину за прилавком, людей впереди, чек. Он помнил только горячий пакет. И то, что злость на Григория за эти полчаса стала легче: на улице был воздух, никто не заставлял выслушивать до конца, он мог остановиться возле витрины и никуда не торопиться. Теперь именно это свободное время отделилось от остального вечера и встало перед ним как чужой поступок.

— Чек взял. Наверное, в пакете оставил.

— Где пакет?

— У Фёдора. Или выбросили. Там под раковиной ведро. Но я не знаю, не надо писать, что точно там.

Завьялов кивнул и записал несколько слов.

— Когда вернулись, кто был в мастерской?

— Фёдор один. Потом заказчик приехал, Михаил. Фамилию не знаю. За коробками. Мы с ним ещё до девяти возились, он считал, перевязывал. Вся спина мокрая была, куртку снял.

— Вы знакомы до того вечера?

— Нет. Видел первый раз.

— Контакт у Фёдора?

— Должен быть.

— После его приезда вы уходили?

— Нет. Точно нет. Он всё время с нами был. Мы прямо втроём у одного стола.

Артём посмотрел на адвоката, ожидая, что этого наконец хватит. Но тот только отметил имя и спросил, видел ли Михаил, как он вернулся из магазина. Нет, не видел: сам появился позднее. Минут через пять, а может, через десять. Устанавливать время предстояло отдельно.

— Фёдор мне позвонил бы, — сказал Артём. — Если бы я куда-то делся. Он заказ без меня не успевал.

— Усольцев вам так и сказал?

— Нет. Я сам знаю.

Артём опустил голову. Чем точнее становился разговор, тем меньше оставалось от его уверенного «все видели». Сам он видел весь собственный вечер. Остальные — каждый свой кусок, и никто не стоял рядом, чтобы потом засвидетельствовать, как он выбирал булку и искал сдачу.

Завьялов убрал исписанный лист в папку.

— Теперь другое. Сегодня ко мне приезжала Нина Ракшина. Она готова оплатить дальнейшую защиту. Елена знает.

— Нина?

— Да.

— Она что сказала?

— Что уверена в вашей невиновности.

Артём долго смотрел на него. После магазина, получаса, угрозы, названной собственными словами, эта чужая уверенность показалась слишком большой, чтобы сразу её принять.

— А Лена что?

— Она и дала мой телефон. Но согласие на такой порядок помощи нужно от вас. Вы мой доверитель. Нина не будет решать, какую позицию вам занимать, и не получит содержание наших бесед из-за того, что оплатит работу.

— Сколько она даёт?

— Обсудим необходимый объём и оформим. Сначала я спрашиваю, готовы ли вы принять саму помощь.

Артём откинулся к стене, хотя не собирался этого делать. Нина утром пришла к адвокату. У неё убили мужа; она должна была выбирать гроб, встречать мать, разговаривать с дочерью. А она думала о нём. Он не мог представить, как бы сам поступил на её месте. Не хотел представлять.

— Я отдам, — сказал он.

— Сейчас речь не о займе. Не обещайте условий, которых никто не обсуждал.

— Всё равно. Я не могу просто...

— Вы уже обещаете отдать. А вас никто не просил. Помощь принимаете?

— Да.

Завьялов кивнул.

— Тогда я свяжусь с ней по оплате. Ещё она передала сведения о доставке бумаги в понедельник. Нужно установить, кто и когда видел Григория живым. Это может иметь значение для вашего выхода за едой.

— Она сама его видела?

— Сообщила о заказе. Остальное проверим.

— Она бы не стала, если бы думала, что я мог... — Артём не договорил. — Спасибо ей передайте.

— Передам.

Времени оставалось мало. Завьялов напомнил, что в четверг суд вернётся к ходатайству о страже. К этому заседанию нужны документы о работе, жилье, семье, и он уже сказал Елене, что принести. Артём слушал, стараясь не перебить. Вчера «до четверга» казалось почти обещанием выхода. Теперь за четвергом опять не было ничего определённого.

Когда встреча закончилась, Артём задержался на секунду у стола.

— Про магазин сами скажете?

— Мы с вами ещё согласуем, как сообщить уточнение и заявить необходимые ходатайства. Я ничего не буду исправлять за вас задним числом. Отдельно проверим то, что вы

вспомнили.

— Я понял. Только не оставляйте это до завтра. Вдруг пакет выкинут.

Он вышел, впервые за день думая не о том, что надо всем доказать, а о ведре под чужой раковиной. Бумажный пакет, который он без всякой мысли скомкал после ужина, вдруг оказался вещью, ради которой стоило поспешить. Вернуть себе этот вечер целиком он уже не мог. Нужно было собрать то, что от него осталось у других.

Глава 3. До пятницы

К обеду Раиса Ивановна рассердилась на суп.

— Ты чего столько налила? Я сказала немного.

Нина взяла её тарелку, отлила в кастрюлю и поставила обратно. Свекровь посмотрела на жёлтую полоску, оставшуюся выше нового уровня, и отодвинула ложку. Маша сидела напротив, в отцовской толстовке. Рукава закрывали кисти; она завернула их дважды, но они снова сползли.

После возвращения от адвоката Нина успела отвезти рубашку, ответить на звонок из мастерской, вымыть чашки и разогреть суп. Обещанные дочери полчаса она выдержала. Теперь казалось, что за это ей положено хотя бы молчаливое разрешение продолжать остальные дела. Но Маша всё смотрела на неё так, будто важное обещание не было выполнено.

— Я потом съем, — сказала Раиса Ивановна. — Сейчас не могу.

— Конечно.

Нина убрала тарелку.

— Зачем уносишь? Я сказала потом.

Она поставила обратно. В обычный день это вызвало бы раздражение, и она вечером пересказала бы Григорию разговор. Он усмехнулся бы, сказал: «Мать у меня умеет», — и попросил не принимать близко. Сейчас раздражаться можно было только на себя. Нина придвинула свекрови хлебницу

и села.

Телефон лежал экраном вниз возле плиты. Завьялов ещё не звонил.

— В пятницу точно? — спросила Маша.

— Нам подтвердят после оформления. Пока на пятницу договорились. Людям говорю, что уточню время.

— Мне в бассейн надо ответить. За меня до пятницы согласились, дальше ещё искать.

— Не отвечай пока. Я могу позвонить.

Маша подняла глаза.

— Куда?

— Твоей начальнице. Объяснить.

— Она знает, мам.

— Ну и хорошо.

— Я сама с ней разговариваю.

Дочь была права; незачем было предлагать. Просто любые вопросы сейчас казались задачами, за которые можно взяться вместо главной. Найти замену на детское плавание, сказать незнакомой женщине нужным голосом, договориться о сроке. Тогда Маша могла бы побыть здесь ещё день. Не уезжать в Обнинск в субботу, не оставлять мать с двумя чашками в шкафу и одним человеком, который будет ими пользоваться.

— У вас таблетки остались? — спросила она у свекрови.

— Дома.

— Я заберу. Список напишите.

— Я сама поеду.

— Раиса Ивановна, зачем вам сейчас...

— Домой мне зачем?

Маша потянулась к хлебнице. Вынула кусок, отломил уголок и положила перед бабушкой. Та взяла его сразу, без возражений. Нина отвернулась к окну.

Во дворе мужчина вытряхивал из детской коляски маленькое покрывало. Тряс осторожно, держа двумя руками, потом посмотрел на него с обеих сторон и положил обратно. Они с Григорием когда-то спорили, можно ли выносить спящую Машу на балкон. Он считал, что можно, она каждые пять минут проверяла нос. Теперь дочь сидела за столом в его толстовке, а у мужчины во дворе ребёнок проснулся и начал кричать.

— Я отвезу тебя, бабуль, — сказала Маша. — Только поешь чуть-чуть.

Свекровь взяла ложку.

Нина смотрела на её руку. Подрагивала, но суп не расплёскивался. В понедельник вечером эта рука держала телефон: Раиса звонила сыну, спрашивала, когда он сможет отвезти её на обследование. Нина слышала звонок из кабинета. Григорий ответил: «Мам, запишись сначала, потом скажешь время». Ничего не отменил, не попрощался, не сделал последнюю добрую вещь специально для чужой памяти. Просто собирался отвезти мать.

Нина поставила обе ступни на пол. Пятки были холодны-

ми. Она хотела встать за носками и не позволила себе.

— Ему же в понедельник звонила, — произнесла Раиса Ивановна.

Маша перестала жевать.

— Знаю, бабуль.

— Он сказал, в четверг может. Я утром хотела перезвонить, талон дали. А потом Нина приехала.

Свекровь посмотрела на неё.

— Ты тихо так стояла. Я ещё подумала, опять у вас чего. Всё-таки могла бы не одна. Машу надо было взять.

— Маша в Обнинске была, — сказала Нина.

— Ну позвонить могла.

— Да.

Нина приехала к свекрови во вторник после бессонной ночи. Не послала кого-нибудь, не начала по телефону. Села напротив и сказала, что Гриши больше нет. На это у неё хватило сил. На правду, которая должна была следовать дальше, — нет. Раиса сначала спросила, не разбился ли он. И в эту короткую секунду Нина ощутила почти зависть к несуществующей аварии: там тоже были бы смерть, слёзы, чужие звонки, но она могла бы сидеть на этой кухне рядом со всеми.

Она отодвинула стул.

— Я соберу вам еду с собой.

— Не надо.

Нина всё равно достала контейнер, потом услышала, как Маша положила ложку. Остановилась, убрала контейнер в

шкаф.

До отъезда свекрови прошло ещё сорок минут. Она долго искала платок, который оказался у неё в рукаве, спрашивала, позвонили ли двоюродному брату Григория, и дважды возвращалась к рубашке. Нина каждый раз отвечала. На пороге Раиса обняла её неожиданно крепко, прижалась щекой.

— Держись, доченька, — сказала она. — Нам теперь вдвоём.

Нина почувствовала под ладонью мелкие косточки её спины. Не смогла ничего сказать. Маша отвела глаза, взяла бабушкину сумку и пошла к лифту.

Когда дверь закрылась, Нина сняла со стола нетронутый хлеб. Кусочки сложила в пакет. Отмывать кастрюлю было рано — в ней оставался суп, — и она перелила его в меньшую. Потом вымыла большую, хотя в этом не было никакой срочности.

Телефон зазвонил, когда она вытирала дно.

— Артём согласен принять помощь, — сказал Завьялов. — Я подготовлю документы и направлю вам порядок оплаты. Елена в курсе.

— Спасибо. Что ещё нужно?

— По защите пока работаем. У вас есть контакт Таси, о которой говорили утром?

— Да. Сейчас пришлю.

— Спросите, согласна ли она поговорить со мной. И передайте, пожалуйста, чтобы сохранила относящуюся к постав-

ке переписку в исходном виде.

— Я могу сама у неё всё собрать.

— Не нужно. Пусть останется у того, кто получал и отправлял.

Нина опустила полотенце на стол.

— Хорошо.

Он хотел закончить разговор, но она спросила:

— Артём как?

— Спасибо вам просил передать.

Она прижала телефон к уху сильнее. Ничего особенного в этих словах не было; люди благодарили её каждый день. За перенесённый срок, скидку, подмену, помощь с больницей. Сейчас они прозвучали так, будто Артём сам, ещё ничего не зная, согласился отделить её поступок от всех остальных.

— Не за что пока, — сказала она.

— Я свяжусь с вами по документам.

После звонка Нина написала Тасе и дождалась ответа. «Конечно, дайте номер». Переслала контакт адвокату. Затем нашла переписку со следователем: Малинина вчера разрешила сообщать по этому номеру, если Нина вспомнит что-нибудь или понадобятся сведения о документах. Она набрала короткое сообщение о заказе, остановилась на слове «вечером» и стёрла его.

В письме поставщика не было времени. Вечер она знала иначе.

Нина начала заново: «Нашла заказ бумаги на понедель-

ник. Получателем был указан Григорий. Возможно, доставляли поздно. Есть переписка и контакт поставщика. Как лучше передать?»

Перечитала. Номер заказа не прятала, письмо не переделывала. Можно отправлять. Она нажала и некоторое время смотрела на экран, ожидая ответа как человек, который действительно сделал полезное дело.

Малинина позвонила через несколько минут.

— Нина Олеговна, пришлите сначала то, что нашли. Для приобщения договоримся отдельно. Откуда вам известно, что доставка была поздней?

— Предполагалось в течение дня. Он часто принимал уже после работы. Я точного времени не знаю.

Последняя фраза была почти правдой. Она не смотрела на часы, когда Григорий вернулся с коробкой. У неё в памяти были мокрый картон, его недовольство и собственная злость из-за того, что он мог спокойно обсуждать недостающую бумагу посреди разговора о конце их брака. Минуты назовёт кто-нибудь другой.

— Вы в понедельник вечером в мастерскую не возвращались?

— Нет.

Малинина не ответила сразу. Нина слышала, как она что-то передвинула на столе.

— Хорошо. Переписку пришлите целиком, пожалуйста. Не только подтверждение.

— Я адвокату Артёму уже переслала.

— Понимаю. Мне тоже направьте. И завтра нам нужно будет ещё поговорить. Я уточню время.

Звонок закончился без угрозы, без явного сомнения. От этого стало не легче. Нина переслала письма, вернулась на кухню и увидела, что мокрое полотенце оставило на столе тёмное пятно. Вытерла его бумажной салфеткой, затем ещё одной.

Григорий однажды сказал, что она не умеет оставлять вещи в покое. Это было три недели назад, уже после разговора о Рудневой. Нина стояла у того же стола и раскладывала варианты: отсрочить продажу, оценить оборудование отдельно, договориться о выкупе, закрыть убыточные направления. Юрист, к которому она ходила, не обещал лёгкого решения. Но сказал ясно: от одного Гришиного желания доля не уйдёт постороннему на следующее утро. У неё были права, сроки и возможность спорить.

Ей этого было мало.

Она не хотела проводить следующие месяцы в переговорах, где муж сидит по другую сторону и рассказывает, сколько ему стоит выйти из жизни, которую она каждый день удерживала в порядке. Не хотела слышать, что можно разделить станки, деньги, мебель и время, а остальное каждый заберёт сам. Григорий собирался уйти — не исчезнуть без вещей, а забрать то, что считал своим. Ещё он рассчитывал, что она продолжит разговаривать с работниками и объяснять им пе-

ремены. В этом она всегда была лучше.

Теперь перемены тоже объясняла она. Только его самого больше не было, и с этим ни один её расчёт не справлялся.

В прихожей повернулся ключ. Маша вернулась одна, сняла ботинки и села на банкетку, не раздеваясь.

— Доехали? — спросила Нина.

— Да. Бабушка легла. Я таблетки нашла, всё есть.

— Хорошо. Спасибо.

Дочь стянула толстовку через голову, положила рядом. Под ней была простая футболка с маленьким белым пятном возле воротника — Нина не поняла, зубная паста или краска. Хотела сказать, что можно застирать, и промолчала.

— Мам, папа собирался от тебя съезжать?

Она всё-таки посмотрела на пятно ещё раз.

— Кто тебе сказал?

— Он.

— Когда?

— В сентябре. Потом ещё звонил. Я думала, вы помирились.

Нина прислонилась к дверному косяку.

— Мы разговаривали.

— Это не ответ.

— Маш, мы очень давно вместе. У людей бывает...

— Я знаю. Я не спрашиваю, бывает ли. Я спрашиваю, собирался он уходить или нет.

Взрослая дочь сидела перед ней, зажав толстовку между

коленями, и ждала простого слова.

— Да, — ответила Нина.

Маша кивнула, будто услышала то, что уже знала.

— И продавать свою половину?

— Обсуждал. Продажи не было.

— Он мне говорил, хотел уйти оттуда тоже. Устал.

Нина почувствовала, как знакомая обида поднимается раньше страха.

— Все устали, Маш.

— Я не сказала, что ты нет.

— Просто он не всегда рассказывал всё. Он мог пообещать одно, потом...

— Я тоже с ним жила. Не надо объяснять мне, какой он был.

Дочь встала, повесила толстовку на крючок. Один рукав оказался вывернут; Маша вытянула его, поправила, словно рука ещё должна была попасть внутрь.

— Он ко мне в субботу собирался, — сказала она. — Шкаф собирать. Я ему говорила, что мастер есть, можно заплатить. А он хотел сам. Там дверцы до потолка почти. Я не знаю, как бы мы вдвоём справились.

— Мастера вызовешь.

Маша резко повернулась.

— Да вызову я мастера! Мам, я не про шкаф.

Нина сделала шаг к ней. Дочь позволила взять себя за плечо, но не придвинулась. Они постояли так в тесной прихо-

жей, среди чужих пальто, сумок, приготовленных пакетов. Нина чувствовала под ладонью тепло и не знала, как удерживать его, не сжав слишком сильно.

— Прости, — сказала она.

Маша закрыла лицо рукой.

— Я всё время думаю, что могла позвонить. Вечером. Просто так. Он бы вышел поговорить или ещё что-нибудь. Я обычно звоню, когда домой иду. А тут не стала. Хотела потом.

— Ты не виновата.

— Я знаю. Только всё равно думаю.

Нина обняла её. Теперь дочь прижалась сама. Дрожала, дышала неровно, пыталась что-то договорить, но слова не выходили. Нина гладила её по спине и повторяла, что она ни в чём не виновата. Это было единственное, в чём мать могла быть уверена без всякой оговорки.

Потом Маша отошла, вытерла лицо рукавом и попросила чаю. Нина поставила чайник. Достала две чашки, убрала одну и взяла другую — с целой ручкой. За спиной дочь спросила:

— А ты ему вечером звонила?

Нина стояла к ней спиной. Можно было обернуться сразу, пока вопрос ещё был обычным, семейным. Она пересчитала ложки в сушилке, хотя не собиралась этого делать.

— Нет, — сказала она. — Я не звонила.

И это тоже было правдой.

Глава 4. Остальное доплатим

К четырём часам в мастерской кончились чистые коробки. Тася складывала готовые открытки в упаковку из-под чайника, а Юрий Латышев сидел за её столом и держал телефон на вытянутой руке: очки он забыл дома. Нина остановилась в дверях. На секунду ей показалось, что она приехала слишком поздно и дело уже успели разнести по чужим случайным вещам.

— Для кого это? — спросила она.

Тася не подняла головы.

— Для детского центра. Заберут к половине шестого.

— В этой коробке не отдавай. Внизу должны быть маленькие.

— Внизу дверь закрыта. Я звонила Серому, у него ключ. Он после шести будет. Отсюда картон возьму, нормально всё.

На стуле лежало её пальто, поверх него яркий шарф. Нина узнала зелёную нитку, торчавшую из края: Тася ещё в сентябре собиралась обрезать и никак не собралась. Позавчера, во дворе, Нина освобождала эту нитку из застёжки своей сумки. Тася держала телефон и объясняла кому-то, что уже выходит.

Это случилось после выстрела.

Григорий оставался наверху, в кабинете. Нина ушла не

сразу. Сначала стояла возле стены, потом села на край свободного стула. Смотрела на рукав его свитера. Поднималась и снова садилась; ступни успели озябнуть. Ей казалось, прошло минут десять, может, больше. Наконец взяла сумку и вышла.

Только за общей дверью увидела Тасю, которой здесь не должно было быть. Та вернулась за зарядкой к ноутбуку: дома собиралась закончить чужой макет. Ничего не заметила, спросила только, закончили ли они наконец ругаться. Голосов из кабинета она не слышала; Нина сама, ещё днём, сказала при ней, что вечером придётся выяснять с Гришей отношения. А у ворот добавила: «Маше только не пересказывай. Мы взрослые, сами разберёмся».

Вчера вечером Тася позвонила Нине сама: рассказала, что сказала следователю об уходе около семи, а про возвращение промолчала. Сегодня Нина смотрела на зелёный шарф и не знала, долго ли ещё девушка сможет считать эти два ответа одним и тем же.

— Я думала, вы дома будете, — сказала Тася.

— Надо кое-что посмотреть. Как там у вас?

Тася обвела рукой стол, нож, открытки, коробку с нарисованным чайником.

— Вот так. Режу. Три человека звонят, спрашивают про свои сроки. Одному я сказала, что у нас человек умер. Он спросил, когда теперь тираж.

Нина сняла пальто и повесила на свободный крючок, не

заходя к мужу. Дверь его кабинета оставалась закрыта; после осмотра её опечатали, и Малинина сказала, что открывать нельзя. Внутри остались старые договоры, печать общества, зарядный шнур, который Григорий постоянно уносил со стола Нины. За дверью было и то место, куда теперь не требовалось смотреть, чтобы видеть.

— Я сейчас людям сама отвечу. Юрий Павлович, вы нашли расчёт Артёма?

Латышев положил телефон и подвинул к ней папку.

— Нашёл. Поэтому жду.

У него был вид человека, который давно приехал на короткое дело, но которому после каждого вопроса приходится снова снимать куртку. На подоконнике лежал пакет с хлебом и молоком. Под пакетом проступило круглое влажное пятно.

Нина села на второй стул. Он качнулся; она переставила ноги так, чтобы удержать равновесие.

— Пятьдесят две, — сказал Латышев. — Артём назвал верно.

— За что именно?

— Остаток к выплате по премиям за два законченных заказа. Это уже после налога. Вот приказ о начислении. Сентябрьский. В окончательный расчёт вошли.

На нижней строчке стояла её подпись. Нина помнила лист: принесла клиенту кофе, вернулась, Григорий положил перед ней папку со словами «Здесь всё обычное». Она прочла суммы, спросила, закрыт ли второй тираж. Он ответил,

что закрыт. Подписала. В тот день они ещё могли обсуждать зарплату, не переходя к тому, кто кого бросает.

— А удержание?

Латышев вынул другой лист.

— Это его расчёт. Не мой. Сорок тысяч за бумагу, двенадцать за переделку. Рядом написано «заказ увёл», но сумма к этой строчке не поставлена.

Нина узнала почерк. Крупная сороковка, короткое, сердитое «итого». Григорий писал так даже списки продуктов: последнюю строку всегда подчёркивал дважды.

— Он говорил, что они договорились.

— Артём не подписывал такого согласия. По крайней мере, у меня его нет. Вы мне в понедельник сказали выдать тридцать четыре, остальное пока придержать.

За столом перестал двигаться нож. Тася повернула открытку и поправила стопку, хотя верхний лист уже лежал ровно.

Нина смотрела на свою подпись. Она действительно сказала: «Выдайте, сколько Гриша посчитал, остальное разберём». Тогда ей казалось, что нельзя посреди общего развала ещё и спорить перед Артёмом о пятидесяти двух тысячах. Сначала они с мужем определятся, потом решат, кого возвращать, кому доплатить и что написать в документах. Григорий ушёл разговаривать с Артёмом, а она уехала домой. Вернулась уже ради другого.

— Я поняла, — сказала она. — Надо доплатить.

— От общества, — ответил Латышев. — Не ему на карту с вашей карты. И компенсацию за задержку посчитаю. Оснований удерживать начисленное у меня нет.

— Делайте как положено.

— Мне для этого понадобятся подписи.

Она протянула руку за ручкой. Латышев не дал.

— Я сначала подготовлю. Сейчас здесь подписывать нечего.

Нина положила руку на край стола. Рядом с её пальцами Тася двигала открытки, отделяя по десять. На каждой был жёлтый дом, две круглые ёлки и одинаково довольные дети. Внизу оставили место для имени. Пустые светлые полосы казались особенно аккуратными.

— Он деньги сможет получить? — спросила Нина.

— Счёт у нас есть. Дальше с его адвокатом пусть семья разбирается. Моё дело — выплатить задолженность работнику.

— Он уже не работник.

Латышев поднял на неё глаза.

— Когда заработал, был.

Она откинулась на спинку. Стул опять качнулся.

— Хорошо. Я же согласилась.

— Я услышал.

Латышев собрал бумаги, оставив копии. Нина хотела предложить ему служебную машину, но машины у общества не было: развозили на своих или заказывали доставку. Гри-

горий не любил покупать то, что уже имеется у кого-нибудь из знакомых. В очередной раз она заметила, сколько в их хозяйстве держалось на вещах, которые нельзя было назвать своими.

Бухгалтер взял пакет с подоконника, проверил дно и попросил Тасю дать ещё один. Она молча достала из ящика. Он ушёл, не напоминая про молоко. Сам факт, что ему сейчас нужно было довести молоко домой, почему-то обидел Нину; следом ей стало стыдно за эту обиду.

Телефон лежал в сумке. Завьялов прислал порядок оплаты и документы, о которых говорил днём. Нина открыла их, сверила имя Артёма, назначение платежа и сумму. Сто двадцать тысяч. Перевела и отправила подтверждение. Конверт с наличными оставался дома, в ящике комода, куда она переложила его перед отъездом.

— Это адвокату? — спросила Тася.

— Да. Ты с ним поговорила?

— Ещё нет. Он написал, что позвонит к пяти. Я жду.

Нина посмотрела на время. Без двадцати пять.

— Нужно помочь ему найти курьера. Ты не помнишь, кто доставлял образцы?

— Самого курьера нет. Я уже ушла. Поставщик сказал, что отправит сборным, у них водитель заболел. Потом звонили про замену бумаги. Я сказала, чтобы с Григорием согласовали.

— Контакт сохранился?

— Сохранился.

Тася вытерла пальцы салфеткой и достала телефон. Экран загорелся раньше, чем она успела его повернуть: пришло сообщение. Нина увидела только начало имени — «Княз...» — и строчку «Настя, мне до завтра». Девушка смахнула уведомление.

— Извините. Сейчас.

— Это тот макет, ради которого ты возвращалась?

Тася не сразу ответила.

— Он. Князева. Карточки с местами на свадьбу. У неё всё поменялось, ещё два гостя.

— Ты дома доделала?

— Дома. Я здесь чужое не печатала, если вы об этом.

— Я не об этом, Тась.

Она подняла голову. У неё было тонкое бледное лицо с красным пятном возле переносицы: весь день снимала очки, тёрла кожу, снова надевала. Нина раньше не замечала, как сильно ей приходится щуриться, если телефон лежит на столе.

— Я вчера так и сказала, что ушла в семь, — произнесла Тася. — Меня про работу спрашивали. Во сколько закончила. Я закончила в семь.

— Да.

— А потом вы встретились мне. Я же должна сказать, что видела вас?

Нина положила телефон экраном вниз. В соседней ком-

нате работал печатник на подмене; аппарат протяжно втянул лист, замолчал, снова загудел. Обычное движение воздуха стало слышнее разговора.

— Если спросят, расскажешь, — ответила она. — Только не надо самой достраивать. Мы с Гришей выясняли свои дела. Я ушла, он остался. Ты его не видела.

— Не видела.

— Вот. Поэтому не можешь знать, что было потом.

Тася смотрела на неё, не кивая. Нина чувствовала, как далеко можно сейчас зайти одним привычным тоном. Предложить забрать сложного клиента, дать два дня, помочь с деньгами — и девушка получит возможность заняться чем-нибудь, кроме собственной тревоги. Вчера это бы подействовало. Сегодня уже приходилось объяснять, почему не следует говорить простую вещь.

— Меня ведь тоже расспрашивают, — сказала Нина. — И ещё будут. Не нужно несколько раз запускать одно и то же по кругу. Курьер важнее. Он видел Гришу позже Артёма, если доставка состоялась вечером. Это надо выяснить.

— Вы знаете, когда он приехал?

— Нет. Поэтому и нужен человек, который знает.

Тася наклонилась над открытками. Взяла нож, но не стала резать.

— Он действительно не мог? Артём?

— Он не убивал.

— Вы так говорите, будто...

Она замолчала. Нина ждала продолжения, заранее перебирая ответы. Тася перевела взгляд на дверь кабинета и убрала нож в футляр.

— Ладно. Я дам адвокату номер. Пусть сам с ними разговаривает.

Из соседней комнаты позвали: листы выходили с полосой. Нина встала так быстро, что стул ударился о стол. Тася прижала открытки ладонью.

— Сейчас посмотрю, — сказала Нина.

Полоса оказалась на обороте, тонкая и ровная. Печатник уже приготовился объяснять, что файл испорчен; Нина положила рядом чистый лист и попросила сделать пробу без изображения. Полоса повторилась. Она не стала говорить, что так и думала, а вместе с ним открыла крышку. Работа требовала внимания к тому, что находилось перед глазами, и впервые за день от этого стало легче. Через несколько минут аппарат снова выдавал чистые листы.

Когда Нина вернулась, Тася разговаривала по телефону.

— Нет, угрозу я слышала, — говорила она. — Про сына перед этим не всё разобрала. У меня музыка была. Потом сняла наушники, когда они уже громко.

Она подняла глаза на Нину и отвернулась к окну.

— Да, Сергей, я понимаю. Что слышала, то и скажу. Номер сейчас найду.

Нина села. Взяла нож, вынула из футляра и начала отрезать края открыток, стараясь держать ровно. Резать она уме-

ла: начинали они без отдельного дизайнера и без человека на подмене, Григорий сам ездил за бумагой, Маша спала в коляске между столом и стеной. Иногда он привозил пирожки, на которые уходил весь заработок маленького заказа. Нина сердилась, а потом брала самый горячий.

Руки помнили движение лучше, чем она ожидала. Срезанные полоски скручивались и падали в коробку. Вскоре перед ней собралась аккуратная стопка; ничего не требовалось объяснять, чтобы убедиться, что эта часть работы сделана правильно.

Тася закончила разговор.

— Он сказал, если ещё что-нибудь вспомню, можно написать.

— Конечно.

— И про то, во сколько ушла. Чтобы без приблизительно-го «как обычно».

Нина не подняла нож. Лезвие лежало поперёк жёлтого дома.

— Ты сможешь посмотреть по телефону.

— Наверное.

Снаружи хлопнула дверь. Пришёл заказчик из детского центра — раньше на двадцать минут. Молодой мужчина в пуховике держал шапку вместе с телефоном и виновато объяснил, что его машина мешает разгрузке, поэтому он быстро. Нина встала навстречу, попросила минуту, нашла большой чистый пакет. Тася уложила в него коробку.

Мужчина увидел надпись с моделью чайника и улыбнулся:
— Это мы удачно. Нам как раз чайник нужен.

Тася коротко засмеялась. Нина тоже улыбнулась и выдала документы. Человек сверил количество, расписался, поблагодарил их обеих и ушёл, унося открытки в коробке, которую Нина собиралась заменить.

За окном начинало темнеть. Тася собрала обрезки, но шарф со стула не взяла.

— Тась, — сказала Нина. — Ты завтра до обеда можешь за меня остаться? Меня вызывают.

— Могу. Только после пяти уеду точно. Мне свои карточки закончить надо.

— Конечно. Я же не запрещаю.

Тася кивнула и снова достала телефон. На этот раз, прежде чем открыть сообщение, она повернула экран к себе.

Глава 5. До конца фразы

В четверг в суде Артём увидел Лену раньше, чем она его. Она сидела на краю скамьи, держа сумку на коленях; рядом лежал прозрачный пакет с документами. Волосы убрала за уши, но одна прядь снова выбилась и закрывала щёку. Артём хотел окликнуть её. На натоптанной плитке скрипнул его ботинок; Лена подняла голову, но между ними прошёл высокий человек в расстёгнутом пальто. Артёма уже вели дальше.

Он решил, что она всё-таки заметила.

Завьялов подошёл через несколько минут. Взял стул, сел так, чтобы разговаривать без лишнего поворота головы. Сегодня на нём был пиджак; нижнюю пуговицу он расстегнул уже на ходу и теперь поправлял загнувшийся край.

— Она здесь, — сказал он.

— Я видел.

— Много принесла. Даже свидетельство о рождении сына.

— Зачем?

— Я попросил документы о семье. Она принесла всё, что нашла. Так что запас у нас есть.

Артём посмотрел на папку адвоката. Та распухла, застёжка не сходилась. Захотелось спросить, стало ли от этого больше шансов, но он удержался.

— Сначала выслушиваем, — сказал Завьялов. — Не перебиваем. Если захотите мне что-нибудь сказать, дадите знак.

Когда спросят вас, отвечайте на вопрос. Про угрозу говорите полностью, как вчера мне, без попытки заменить одно слово другим.

— Я понял.

— И про Тасю.

Артём нахмурился. Из всех разговоров последних двух дней именно этот казался ему самым несправедливым. Во вторник, когда уже стало известно о Григории, он позвонил Тасе сам. Хотел, чтобы она не пересказывала обрывок ссоры отдельно от всего, что ей предшествовало. Теперь его желание, чтобы о нём говорили верно, вошло в материалы как довод против возвращения домой.

— Я не угрожал ей.

— Я слышал, что вы сказали на допросе. Суд тоже должен услышать. Но не так, будто девушка виновата, что ей стало неприятно.

— Ей стало неприятно, а меня забрали.

— Именно поэтому нужно говорить точно.

Завьялов вынул лист. Артём увидел своё имя, дату и несколько слов, подчёркнутых карандашом. Утром во вторник Тася сообщила следователю о ссоре и о звонке после неё. Усольцев подтвердил, что Артём был у него, но не весь вечер. Это следствие выяснило до задержания. Артём вчера рассказал адвокату то, что Фёдор успел сказать другим ещё накануне; оттого его «вспомнил» теперь выглядело хуже, чем он сам понимал.

Ходатайство в суд направили во вторник, до того как приехали к нему домой. На нём стояло согласие руководителя следственного органа. Артём прочёл время, хотя уже читал его с адвокатом прежде, и снова подумал: пока они допивали чай, решение увезти его уже лежало подписанным в другой части города.

— Это просьба заключить под стражу, — сказал Завьялов, заметив, на что он смотрит. — Во вторник суд только продлил задержание. Сегодня рассмотрение продолжается.

— А они разве не могут сейчас проверить курьера и отпустить без этого?

— Проверяют. Но подтверждённого времени пока нет. Заказ передали другому перевозчику, в первой отметке вообще указан склад. Сегодня рассматриваем, есть ли основания держать вас под стражей. Это не должно зависеть от того, успеет ли один человек взять трубку.

Он убрал лист и спросил про понедельник после работы у Фёдора. Лена вчера сказала, что встречала мужа возле мастерской и они вместе зашли в магазин. Артём уже называл это следователю, но сейчас понадобилось заново пройти путь: от двери мастерской до дома, без привычного «рядом».

— Она шла с пункта, — сказал он. — Созвонились, я попросил подождать. Там минут десять оставалось. Она с улицы постучала, я ещё коробки перевязывал.

— Кто видел, как вы уходили?

— Фёдор. Михаил этот. Лена в дверь заглянула, чтобы я

её не забыл.

— После этого не расходились?

— Нет. Зашли за продуктами, потом домой.

— Платил кто?

— Она. У меня были наличные, но она своей картой. У неё там какие-то баллы.

— Чек у неё в приложении сохранился. Двадцать один восемнадцать. Магазин уточним, запрос о записи камеры я подал. Важно сохранить её, пока не перезаписалась.

Артём попытался вспомнить кассира. Не смог. Зато увидел в памяти Лену у холодильника: стояла, сравнивала два одинаковых, на его взгляд, куска сыра, а он торопил. На ужин и так всё было, зачем ещё выбирать. Теперь именно её остановка перед холодильником могла кому-нибудь понадобиться.

— Домой в половине десятого пришли, — сказал он. — Егор нас встретил. Голодный, как всегда.

— Это тоже будут проверять. Сыну ничего подсказывать не надо. Пусть говорит, что помнит.

— Я ему и не собирался.

— Тогда договорились.

Адвоката позвали. Артём остался сидеть, разглядывая край стены у пола. Краска внизу была темнее, чем выше, словно её в какой-то момент решили освежить только до высоты человеческого колена. Он стал считать полоски на напольной плитке, сбился и начал заново. Сосредоточиться на

самом заседании не получалось. В голове крутилось простое: Лена заплатила картой. Она стояла у сыра, и он торопил.

Когда всех ввели в зал, он опять увидел её. Теперь Лена смотрела прямо на него. Улыбнулась — коротко, усилием одних губ. Он попытался ответить так же и почувствовал, как дёрнулась щека.

Малинина сидела за столом с папкой. Он встречался с ней уже несколько раз и всякий раз замечал что-нибудь новое: сперва маленький шрам у подбородка, потом привычку убирать волосы за ухо, сегодня — синие чернила на пальце. Обычный след от ручки. Артём знал, что она следователь Следственного комитета, но в ту минуту ему хотелось думать о чём-нибудь, что у неё бывает помимо его дела.

Представились, уточнили личность, разъяснили права. Некоторые слова приходилось выслушивать снова, хотя ещё во вторник он был уверен, что запомнил их навсегда. Когда судья спросила дату рождения, Артём ответил слишком быстро. На вопрос о работе замялся.

— Сейчас не работаю. То есть уволился в понедельник. Могу к Фёдору выйти. Он...

Завьялов чуть поднял руку.

— Временно не трудоустроен, — уточнил Артём.

От этой ровной формулировки стало тошно. Ещё в понедельник утром у него было двенадцать лет работы, свои люди и навык, за которым звонили домой. Сегодня имелось «временно не трудоустроен», и это могло стать причиной остать-

ся там, где ему не давали даже самому выбрать, когда погасить свет.

Малинина изложила ходатайство. Она не называла его убийцей. Говорила о подозрении, о ссоре, о высказанной угрозе, о том, что он знал помещение и находился там вечером. Подтверждение его дальнейшего местонахождения оставалось неполным. Затем перешла к звонку Тасе.

Артём услышал собственную фразу:

— «Ты смотри, не начинай там выдумывать».

Он подался вперёд. Завьялов посмотрел на него, и Артём сжал край сиденья.

Фраза была его. Он не мог сказать, что её придумали. Перед этим Тася пыталась объяснить: слышала не всё, пусть Артём сам расскажет следователю про сына. А он сердился, что человек, сидевший за тонкой перегородкой, теперь не помнит нужных ему слов. «Ты смотри, не начинай там выдумывать. Если рассказываешь, рассказывай всё». Вторая половина не делала первую ласковее. Но без неё получалось, будто он требовал молчания.

Судья попросила Малинину уточнить, чем подтверждается риск воздействия на свидетелей помимо этого разговора.

— Он знаком с сотрудниками, знает их место работы и проживания, — ответила она. — Полозова сообщила, что разговор восприняла как давление.

— Были последующие звонки, сообщения, личные обращения?

— На настоящий момент таких сведений не получено.

Прокурор поддержал ходатайство. Артём смотрел на папку у Малининой, ожидая, что из неё вынут что-нибудь ещё. Вещь, которую он забыл. Снимок. Бумагу с чужой подписью, от которой у него закончится возможность объяснять собственный понедельник.

Вместо этого слово дали Завьялову.

Адвокат говорил без повышения голоса. Не называл звонок удачным, не пытался сделать из Артёма спокойного человека, который никогда не срывается. Обратил внимание на полный контекст, на отсутствие повторных попыток связаться с Тасей, на то, что от следствия Артём не скрывался, живёт с семьёй по известному адресу и до задержания отвечал на вопросы. Сам по себе конец работы у Ракшина не означал, что на следующий день он исчезнет из города.

— Нам предстоит проверять алиби, — сказал он. — Доверитель указал людей и места, следствие располагает этими сведениями. Но необходимость проверки не является отдельным основанием лишить его свободы. Прошу отказать в удовлетворении ходатайства.

Артёму хотелось, чтобы он произнёс ещё что-нибудь. Более сильное, такое, после чего судья сразу отложит ручку. Завьялов сел. Несколько секунд в зале никто не говорил.

— Белов, вы что-нибудь желаете добавить?

Он встал слишком резко и задел коленом край.

— Я Тасе не угрожал. Неправильно сказал, да. Я сейчас

слышу, как это... Но я хотел, чтобы она про Егора тоже рассказала. Григорий про моего сына говорил. А она не слышала начало, у неё музыка.

— Вы понимаете, что свидетель сообщает только то, что сам воспринял? — спросила судья.

— Теперь понимаю. Тогда я думал, она всё слышала. Я ей больше не звонил. Она может сказать, что помнит, я не буду...

Он остановился. Получалось, будто он сейчас разрешает Тасе давать показания. Всё было устроено так, что почти любая следующая фраза могла ухудшить предыдущую.

— Я домой хочу, — сказал он. — У меня сын. И я этого не делал.

Судья кивнула, сделала пометку. Артём сел, чувствуя, как горит ушибленное колено.

Лена больше не улыбалась. Держала сумку двумя руками и смотрела на пол. Он вдруг понял, что она тоже ждала от него каких-то лучших слов, хотя, может быть, она вообще думала о другом. Про пункт выдачи, где её подменяли второй день. Про Егора, оставшегося дома. Про то, сколько ещё продлится эта пауза.

Потом им пришлось ждать снова.

Артём не мог определить, долго ли судья отсутствовала. Ему хотелось пить, потом перестало; в какой-то момент он перестал считать шаги за дверь и подумал о зарядке телефона. Аппарат у него изъяли, дома остался провод, изоляция

возле штекера лопнула. Егор несколько раз говорил купить новый. Такая мелочь, смешно держать её в голове сейчас, но она удерживалась лучше всех доводов Завьялова.

Когда судья вернулась, он не сразу услышал нужное. Сначала были даты и фамилии, затем изложение просьбы, слова о представленных материалах. Он ждал «заклЮчить», готовый пропустить всё остальное. Вместо этого прозвучало «отказать».

Завьялов повернулся к нему.

— Отказали, — тихо сказал он. — Вы слышали правильно.

Артём всё равно продолжал слушать. Судья говорила о недостаточном обосновании необходимости содержания под стражей и об освобождении. У него разом заболела спина, словно только теперь разрешили почувствовать, как долго он сидел неподвижно.

При выходе ему вернули вещи; телефон остался у следствия. Артём уточнил, когда получит его, и сам удивился, что это опять стало важно. Завьялов объяснил порядок, записал номер, по которому его можно было найти. Нужные сведения Артём сообщит через Лену, пока у него не будет другого аппарата.

Он вышел на улицу после трёх. Возле ступенек стояла Лена. Подошла, обняла его сразу и сильно; пакет с документами прижался между ними, угол ударил в грудь. Артём хотел убраться, но она не отпускала.

— Ну что ты, — сказал он.

Лена отстранилась первой.

— Что я?

Он не нашёл ответа и взял у неё пакет.

— Домой поедем?

— Поедем.

Завьялов вышел следом. Лена потянулась к телефону, но он попросил подождать минуту.

— Ещё раз главное. В заключении под стражу отказано. Преследование не прекращено, вы ещё подозреваемый. По вызову надо приходить. И оставьте следователю рабочий номер для связи.

— Я никуда не собираюсь, — сказал Артём.

— Хорошо. Не нужно сейчас ездить к свидетелям и объяснять, как им точнее вспоминать вечер. Вещи у Усольцева можно забрать, но сперва договоримся. Новое, что действительно вспомните, сообщайте мне.

— А Нина знает?

Адвокат на секунду задержал взгляд на нём.

— Пока нет. Я не успел ей сообщить. Вы хотите сами?

Артём посмотрел на Ленин телефон. Она уже открыла список контактов.

— Дай.

Он отошёл на два шага, услышал длинные гудки. Нина ответила почти сразу.

— Лена?

— Это я.

Она молчала.

— Артём, — добавил он зачем-то. — Меня выпустили. Суд отказал. Я уже на улице.

— Слава богу, — сказала Нина.

Голос был тихий, совсем не тот, которым она обычно отвечала на рабочие звонки. Артём посмотрел на дерево у дороги. На одной нижней ветке оставалось несколько жёлтых листьев; ветка качалась, листья не падали.

— Спасибо тебе.

— Ты домой едешь?

— Да.

— Езжай. Егор ждёт. Остальное потом.

Он кивнул, хотя она не могла видеть. Захотелось сказать, что он понимает, какое сейчас у неё горе, что не забудет, что деньги обязательно отдаст. Все слова были большими и неловкими.

— Я приеду, — сказал он. — Когда можно будет.

— Пока домой, Артём. Отдохни.

Он вернул телефон Лене. Та спросила, что сказала Нина, и он повторил про дом.

— Правильно, — ответила Лена. — Пойдём.

Она шагнула к краю тротуара, посмотрела по сторонам. Артём догнал её и взял за руку. Лена взглянула на их руки, словно давно не видела такого сочетания, но пальцы не разжала. До перехода они дошли молча. У светофора она оста-

нови́лась раньше него и удержа́ла: ещё́ горел красный.

Глава 6. До восьми

Малинина перенесла встречу на пять. К этому времени Нина успела купить для поминок сок, вернуть в магазин лишнюю упаковку салфеток и узнать, что Артём вышел.

Он звонил с Ленинского телефона. Поблагодарил, обещал приехать. Нина сказала, чтобы ехал домой, и после разговора долго стояла возле багажника, держа в руках упаковку сока. Ей впервые за эти дни захотелось позвонить кому-нибудь просто так, с хорошей новостью. Позвонить Григорию и сказать: всё-таки получилось.

Потом она закрыла багажник.

В кабинете следователя на свободном стуле стояла коробка с бумагами. Малинина перенесла её на подоконник, попросила Нину сесть и некоторое время искала нужный файл. На экране двигался белый прямоугольник. Нина видела только край монитора и отражение окна, но всё равно пыталась понять, много ли о ней уже написано.

— Завтра похороны, — сказала она.

— Знаю. Постараемся сегодня закончить необходимое.

Малинина уточнила данные, объяснила порядок разговора и права. Нина слушала, не перебивая. Во вторник её признали потерпевшей, выдали копию постановления; тогда слово показалось почти утешительным, хотя ничего не меняло в том, что она сделала. Сегодня, когда следователь на-

помнила о праве не свидетельствовать против себя и близких, утешения в бумаге стало меньше.

— Вы готовы отвечать?

— Да.

Сначала речь шла о заказе. Нина назвала поставщика, показала исходные письма, подтвердила, что Григорий был получателем. Рассказала про добавленные листы. Малинина спросила, зачем понадобилось менять количество после выставления счёта.

— Клиент выбирал. Мы решили взять два вида, чтобы потом не ждать новую поставку.

— Кто решил?

— Я. Тася показала варианты, я согласилась.

— Григорий об этом знал?

— Знал. Был недоволен лишними расходами.

— Вы говорили с ним об этом в понедельник?

— Днём.

Пока ответы шли легко. Это был её заказ, её письма, её решение. Нина даже поймала себя на том, что придвинулась к столу и собирается объяснить разницу между двумя видами бумаги. Малинина уже перешла к следующему вопросу.

— Теперь о ваших отношениях с мужем. Обсуждали развод?

Нина села ровнее.

— Да.

— С какого времени?

— В сентябре он сказал определённо. До этого тоже говорили, но всякое бывает. После стольких лет нельзя каждый разговор считать решением.

— Он собирался переезжать?

— Собирался. Пока жил дома.

— Вы согласны были на развод?

Нина посмотрела на окно. Между рамой и подоконником скопилась тёмная пыль; на фоне белой коробки она стала особенно заметна.

— Я не хотела. Это преступление?

Малинина подождала, пока Нина снова повернётся к ней.

— Вы уже ответили: не хотели. Мне не нужно, чтобы вы сейчас это оправдывали.

— Не хотела.

— Он собирался продать долю в обществе?

— Обсуждал с Рудневой. Агата Сергеевна. У вас есть её номер?

— Есть. Какие условия обсуждались с вами?

Нина назвала цену, которую Григорий предлагал ей первой, затем остановилась и поправила себя: это была его устная цифра, не оценка и не оформленное предложение. Она ходила к юристу, разбиралась, что нужно для продажи и что остаётся за ней. Согласия на продажу доли постороннему не давала. Документов о состоявшейся сделке не видела.

— То есть у вас шёл спор об имуществе, — сказала Малинина.

— У нас шёл спор о том, что он собрался бросить. И что после этого делать мне.

Следователь посмотрела на неё.

— Запишу вашими словами. Теперь всё-таки про имущество. Такие вопросы были?

— Были.

Нине захотелось добавить, что она поднимала мастерскую не меньше него, может быть, больше. Не сказав, она всё равно услышала знакомое возражение Григория: «Ты построила работу. Клиентов приводил я». В понедельник он повторил это, стоя у окна, и улыбнулся так, будто предложил наконец разумное деление. Она могла оставить себе труд, ему следовало выдать его долю успеха.

Он не собирался нищенствовать после ухода. Не собиралась и она. Юрист, к которому Нина ходила в сентябре, спокойно объяснял, что спор может тянуться, что придётся считать, торговаться, иногда уступать. Ей даже показали, как мог бы выглядеть выкуп в рассрочку. Она вышла тогда с ощущением, что все эти люди согласны обсуждать техническую сторону её поражения.

— Где вы находились в понедельник после шести? — спросила Малинина.

Нина посмотрела на лежавший между ними телефон.

— Дома. Я говорила.

— Одна?

— Одна.

— Кто-нибудь приходил, звонил по видеосвязи, доставлял что-то?

— Нет.

Следователь сделала пометку. Не спросила, чем Нина ужинала, во сколько легла, какой фильм смотрела. Отсутствие привычных вопросов показалось опаснее их подробности.

— Раиса Ивановна звонила сыну вечером, — произнесла Малинина. — Она рассказывала вам об этом?

— Да. Вчера за обедом.

— Она слышала в комнате женский голос. Вы знаете, кто мог находиться там с Григорием?

Нина держала руки на сумке, пальцы сами нащупали край застёжки.

— Там работала Тася.

— Её обычный уход — около семи. Звонок Раисы Ивановны был позже. Мы проверяем время по соединениям.

Нина вспомнила, как Григорий прикрыл телефон ладонью и спросил, что у них в четверг. Она ответила: «После обеда свободен». Забота о чужом обследовании на минуту вклинилась в их ссору, и Нина автоматически нашла для неё место, как делала всегда. Потом он снова заговорил с матерью.

Тогда она уже знала, что в шкафу за его спиной лежит ружьё. Привёз с воскресной охоты, оставил в мастерской вместе с частью вещей. Дома был сейф; Григорий обещал всё забрать вечером и не забрал. Нарушал порядок хранения с

лёгкостью, с какой разрешал себе пить из чужой чашки. Нина ещё днём сказала, чтобы убрал, и слышала: «Не лезь, я помню».

— Кто мог быть с ним? — повторила Малинина.

Нина отняла руку от застёжки.

— Я была.

Следователь не изменилась в лице. Только перестала печатать.

— Когда пришли?

— После семи. Не помню точно. Ближе к половине восьмого.

— Зачем?

— Поговорить.

— Почему раньше вы отрицали, что возвращались?

Вопрос был ожидаемым, и всё же ответить оказалось трудно. Нина могла сказать про дочь, про стыд, про право на частную жизнь. Всё это было у неё и в самом деле. Но сейчас от неё требовалось выбрать одну из настоящих причин и поставить на место другой.

— Я не хотела, чтобы наш последний разговор все обсуждали. Он был тяжёлый. Маша и так...

— Я не спрашивала Машу о содержании вашего разговора. Я спрашивала вас, возвращались ли вы в помещение, где убили мужа.

Нина стиснула пальцы.

— Теперь говорю.

— Хорошо. Во сколько ушли?

— До восьми.

Она произнесла это сразу. Ей нельзя было останавливаться между правдой о приходе и ложью об уходе: в остановке могло стать видно, где именно меняется ответ.

— Григорий оставался жив?

— Да.

— Что он делал?

— Сидел за столом.

Когда она уходила, Григорий лежал возле стола. Нина не позвонила ни в скорую, ни кому-нибудь из тех, чьи телефоны знала наизусть. Столько раз распоряжалась чужими трудными вечерами — кого отправить, кому дать ключ, кто привезёт воду, — а там стояла и хотела только, чтобы сделанное осталось позади неё. Она не могла знать, помог бы своевременный звонок. Но даже попытки не сделала.

— Вы ссорились? — спросила Малинина.

— Да.

— О чём?

— О разводе. О мастерской. Он сказал, что больше не собирается обсуждать одно и то же. А я ещё собиралась.

— Физический конфликт был? Он вас ударил, толкнул?

— Нет.

Это слово далось легче остальных. Нина не хотела придумывать ему удар. Не сейчас, когда он уже не сможет ни возмутиться, ни объяснить, как было. К тому же она видела его

лицо в ту секунду: досада, потом удивление. Ей тогда показалось, что он принимает поднятое оружие за ещё один довод в разговоре, который она не хочет заканчивать.

Малинина спросила про ружьё. Нина рассказала, что оно принадлежало Григорию, что дома имелось место для хранения, что он привёз его в мастерскую после поездки. Когда именно положил в шкаф, она не видела. Днём знала, что оно там. Руками, по её словам, не трогала.

— В тот вечер тоже?

— Не трогала.

— Кто мог видеть, когда вы ушли?

Нина сглотнула. Перед глазами оказался зелёный шарф.

— Не знаю. Я никого не встретила.

Следователь откинулась на спинку стула.

— У меня с ваших слов стоит: дома. Теперь — в мастерской. Это место начинаем заново. Я запишу исправление и проверю, когда вы ушли. Если вам нужна консультация адвоката, мы прервёмся.

— Я отвечаю, что помню.

Малинина некоторое время смотрела на неё. Затем снова придвинулась к столу и задала вопрос о ключах.

Разговор продолжался ещё долго. Нина называла людей, которые работали в разные смены, объясняла, какая дверь закрывалась изнутри, кто имел ключ от общей лестницы и почему курьер мог не попасть сразу. Она удерживалась от привычки делать рассказ гладким. Там, где не знала, гово-

рила, что не знает. Там, где знала слишком много, выбирала короткую ложь и надеялась, что её не придётся повторять при Маше.

Малинина не рассказывала, что ещё нашли в кабинете. Не сообщала ни точного времени смерти, ни результатов исследований. Когда Нина спросила, действительно ли теперь уверены насчёт Артёма, ответила:

— Мы проверяем его объяснения. В заключении под стражу суд отказал. Это вам известно?

— Он позвонил.

— Хорошо. Если он будет обращаться к вам по поводу событий понедельника, не согласовывайте между собой воспоминания. Каждый сообщает своё.

Нина чуть не улыбнулась. Ей не требовалось согласовывать с Артёмом ничего, чтобы быть уверенной. Но этой уверенностью сейчас нельзя было воспользоваться даже для его защиты.

Потом ей дали прочесть запись. Нина читала медленно, возвращаясь к началу строк. В одном месте было написано, что супруг предлагал ей продать свою долю. Она указала: он предлагал ей выкупить его долю, а не продать свою. Малинина исправила. Эту ошибку можно было исправить открыто, и Нина задержалась на ней дольше, чем требовалось.

На словах «ушла до двадцати часов» она остановилась. Всё ещё можно было попросить изменить. Достаточно было сказать: нет, позже.

Она подписала.

На улице уже зажглись фонари. Нина подошла к машине, села, положила сумку на соседнее сиденье. Через стекло было видно, как из здания выходит мужчина в рабочей куртке, ищет что-то по карманам, возвращается к двери. Оставил шапку или документы — она не знала. Он мог просто подняться обратно и сказать, что забыл.

Нина достала телефон. Тася прислала: «Карточки забрали. Остальное на завтра оставила. Ушла».

Ей хотелось позвонить и узнать, что девушка сообщила Завьялову после их разговора, назвала ли точное время, остались ли вопросы. Она открыла контакт, уже поднесла палец к значку вызова и остановилась. В кабинете слишком ясно прозвучало: будут проверять. Новый звонок мог превратиться в новый вопрос.

Нина написала вместо этого: «Спасибо. Завтра увидимся».

Потом открыла сообщение Маши. Дочь просила забрать бабушку утром и спрашивала, у кого останутся ключи от квартиры, пока они будут на кладбище. Нина ответила на оба вопроса. Выбирая время, прибавила пятнадцать минут на то, что Раиса Ивановна будет искать платок. Хотела дописать: «Я всё сделаю», — но оставила только время приезда.

Глава 7. Домой вернулся

Егор открыл дверь в ванную и спросил, живой ли он там.

— Живой, — ответил Артём.

— Тогда воду выключи. Ты уже полчаса.

Полчаса он не был. Но воду действительно пора было выключить. Артём повернул кран, постоял под последними каплями и потянулся за полотенцем. На крючке висело новое, серое. Своё, старое, с белыми полосами, он увидел на корзине для белья.

— Мам, ты чего полотенца поменяла? — крикнул Егор из коридора.

— Потому что старые стирать надо, — ответила Лена.

Артём вытерся новым. Оно плохо впитывало воду и пахло магазином. Он долго тёр волосы, пока не понял, что сердится на полотенце, а не на что-нибудь другое, и от этого стало немного смешно.

Лена успела приготовить картошку. В понедельник они собирались жарить её с луком; теперь варёные половинки лежали в миске, накрытые тарелкой. Егор сидел на табурете и разбирал велосипедный фонарь. Перед ним стояла кружка с отвёртками, которые когда-то сточил Артём, чтобы можно было подлезать в мелкие отверстия. Одну Егор держал зубами.

— Изо рта вынь, — сказал отец.

Сын вынул, посмотрел на него и вдруг улыбнулся.

— Ну всё. Домой вернулся.

Артём сел рядом. Хотел потрепать его по голове, но мальчик уже был выше Лены, волосы коротко подстрижены, и рука остановилась на спинке табурета. Когда они приехали, Егор вышел в прихожую, быстро обнял его и сразу спросил, где телефон. Артём подумал, что Егору всё равно; потом заметил, как у сына дрожат пальцы на застёжке куртки, которую тот зачем-то продолжал держать.

— Что у тебя с фонарём?

— Контакт отходит. Сейчас припаяю.

— Здесь паять не будешь.

— Знаю. Я разобрал только.

Лена поставила перед Артёмом тарелку. Он поблагодарил и не сразу начал есть. Всё казалось знакомым, но расположенным чуть дальше, чем следует: солонка, хлеб, нож возле доски. Приходилось тянуться. Он подвинул тарелку ближе, и картошка перестала остывать зря.

— Ты сегодня на работу? — спросил он.

— Не пойду. С Наташей поменялась. Завтра с утра моя смена, в субботу её возьму тоже.

— Зачем в субботу?

Лена посмотрела на него, держа чайник.

— Потому что она за меня выходила.

— А. Да.

Егор положил маленький винт на блюдец. Винт покатился

к краю, отец придержал его пальцем. Несколько секунд они оба смотрели на этот винт, как будто нужно было решить, кому он теперь достанется.

— Возьми, — сказал Артём.

— Спасибо, я уже вижу.

Сын накрыл блюдце салфеткой и отодвинул подальше от хлеба.

Лена рассказала, кому успела позвонить. Его матери, сестре, Наташе на работу. Матери пока сказала только, что отпустили; та хотела приехать из деревни ещё во вторник, но Артёмов брат удержал. Теперь ждёт звонка. Можно с Лениного телефона, только сначала поесть, потому что разговор затянется.

— Ты ей всё рассказала? — спросил он.

— Что знала, то рассказала. Она уже от соседки слышала.

— От какой соседки?

— Артём, откуда я знаю, кто кому отправил.

Он положил вилку. В голове возникла дорога от их дома до материнской деревни, остановки, повороты, привычная заправка. По этой дороге новость добралась быстрее, чем он успел объяснить, что случилось. Мать теперь будет встречать людей у магазина, а они станут спрашивать так, будто не спрашивают.

Егор посмотрел на него, потом на Лену.

— Пап, ты в группы не заходи пока.

— В какие?

— Просто не заходи.

— Покажи.

— Ты поешь сначала.

Артём отодвинул тарелку. Лена переставила её обратно.

— Он тебе не на службе. Сказал, потом покажет.

Сын уже доставал телефон. Артём увидел, как он быстро перелистывает сообщения, ищет не первое попавшееся, а какое-то определённое. Положил аппарат на стол перед отцом.

В городской группе было короткое сообщение о гибели владельца печатной мастерской. Адреса и фотографии тела не было. Было сказано, что задержан бывший сотрудник, ранее угрожавший погибшему. Ни одной фамилии, по которой можно было бы просто нажать и возмутиться. Под сообщением люди сами добавили недостающее.

«Это который на коробках работал? Он ещё летом орал на парковке».

«Я его знаю. Всегда нервный».

Ниже кто-то написал: «Пока только задержан. Вы уже суд устроили». Этому человеку ответили, что просто так не забирают.

Артём перечитал фразу про парковку. Он действительно летом поссорился с водителем, загородившим выезд. Григорий тогда стоял рядом и смеялся: человек сам приехал за заказом, подождём пять минут. Артёму нужно было отвезти Егора к врачу, у того распухла нога после падения с велосипеда. Теперь парковка оказалась частью доказательства, что

он способен убить.

— Я там не из-за... — начал он.

— Знаю, — сказал Егор. — Я же с тобой был.

Артём поднял голову. Сын смотрел на него без ожидания объяснений. От этого стало хуже: он опять начал оправдываться перед единственным человеком за столом, которому объяснение не требовалось.

— У тебя в школе это тоже?

Егор потянулся к телефону.

— Дай сюда.

Артём не отдал сразу.

— Кто-нибудь тебе что-нибудь сказал?

— Сказали.

— Кто?

— Пап, сейчас не надо.

— Я хочу знать.

Лена села напротив. Она уже не ела, только держала чашку за ручку.

— Он вчера с классной разговаривал. Я тоже. Сегодня оставался дома. Завтра сам решил идти.

— Правильно. Нельзя прятаться.

Егор усмехнулся, не глядя на него.

— Чего? — спросил Артём.

— Ничего. Просто ты как на соревнования меня провожаешь. Не прятаться, держать удар. А мне там шесть уроков сидеть.

Артём провёл пальцем по краю телефона. Экран погас. Он нажал боковую кнопку и увидел фотографию сына с двумя мальчишками у каких-то бетонных ступеней. Все трое показывали на четвёртого, который попал в кадр только локтем. Ничего, что можно было бы понять взрослому. Но сын смеялся так, как дома смеялся редко.

— Я могу к директору сходить.

— Вот этого точно не надо.

— Почему?

— Потому что завтра будет не «у тебя отца забрали», а «у тебя отец прибежал жаловаться».

— Пусть что хотят говорят.

Егор встал.

— Тебе легко.

— Мне легко?

Лена поставила чашку на стол так, что ложка звякнула о край.

Они оба замолчали. Егор стоял возле двери, отвернувшись, и Артём уже не мог решить, на кого сердится сильнее: на сына, на себя или на людей в группе, которых никогда не видел. Перед глазами снова появилась дверь, которую вчера закрыли снаружи. Две ночи — всего две, он сам только что считал часы, — а теперь сын говорил, что ему легко.

Егор повернулся.

— Я не про там. Я про «пусть говорят». Ты их не увидишь. А я увижу.

Артём опустил голову.

— Понял.

— Я завтра сам схожу. Если будет плохо, скажу маме. Или тебе. Только ты сразу не поедешь, ладно?

Он кивнул. Телефон ещё лежал в его руке. Егор забрал его и вышел из кухни, не захватив блюдо с винтами.

Артём долго смотрел на оставленный фонарь.

— Я его защищаю, — сказал он наконец.

— Я вижу.

— По твоему лицу не скажешь.

Лена подвинула к нему хлеб.

— Ты ещё поешь. Потом будем по моему лицу разбираться.

Он взял вилку. Картошка стала холодной, масло на ней перестало таять. Лена потянулась за тарелкой, чтобы разогреть, но Артём остановил её.

— Нормально.

— Хорошо.

Она встала у раковины и принялась мыть чашки. Только две, хотя могла оставить до вечера. Артём знал это её движение: если разговор не хочется продолжать, можно найти немного посуды. Раньше он ходил следом и договаривал над шумом воды. Сегодня остался на стуле.

— Нина деньги перевела адвокату? — спросил он.

— Перевела. Сергей сказал.

— Я отдам.

Лена выключила воду.

— Из чего?

— Заработаю.

— Сначала заработай на наши расходы. Она не просила возвращать.

— Я не могу принять сто двадцать тысяч и сделать вид, будто так и надо.

— Не делай вид. Спасибо скажи. Ты уже сказал.

Он посмотрел на неё. В её голосе не было ни благодарности Нине, ни неприязни; была усталость от суммы, которую Артём только что добавил к уже существующим.

— Ты понимаешь, что она для нас сделала?

— Понимаю. Я сама дала ей телефон. Завтра и в субботу я на работе. Можно я сегодня не буду думать, где взять ещё сто двадцать тысяч?

— Я когда-нибудь должен...

— Когда-нибудь обсудим. Сегодня у нас платёж за квартиру, мой аванс через неделю и твоя машина, которая не заводится. Начнём с этого.

Он вспомнил аккумулятор. В воскресенье пытался завести, потом отложил; в понедельник поехал к Григорию на автобусе, после разговора пешком дошёл до остановки и добрался к Фёдору. Машина так и стояла во дворе. Вот почему Лена встречала его, а он нёс домой пакет с рабочей курткой и термосом. Знал всё это, но только сейчас обычный ряд дел снова соединился в жизнь, которую можно было продолжать.

— Завтра куплю зарядное у Вадима. То есть попрошу на вечер. Покупать не надо.

— Хорошо.

— И к Фёдору зайду.

— Ты же слышал Сергея. Сначала с ним договорись.

Артём откинулся на спинку стула.

— Получается, уже дома, а каждый шаг...

— Он не каждый шаг просил. Он просил не ездить к людям, которые дают показания, и не учить их, что говорить. Я тоже слышала.

Лена вытерла руки, взяла со стола телефон.

— Матери будешь звонить?

Он позвонил. Мать сразу заплакала и несколько раз спросила, дома ли он, хотя Артём каждый раз отвечал. Хотела приехать, привезти курицу и яйца. Он объяснял, что не надо, потом понял: отказать в яйцах ей сейчас будет труднее, чем принять. Договорились, что брат завезёт в выходные.

Когда разговор закончился, в кухню заглянул Егор. Забрал фонарь и блюдо. У двери задержался.

— Я могу тебе старый планшет дать. Там экран треснул, но работает. В интернете посидишь, кино посмотришь.

— Давай. Пока телефон вернут.

— Только не открывай мои переписки.

Артём хотел сказать, что не собирался. Вместо этого спросил:

— А как сделать, чтобы случайно не открыть?

Сын посмотрел на него внимательнее.

— Я выйду из своих. Сейчас.

Он принёс планшет через несколько минут. Поставил на стол вместе с длинным проводом, показал, куда нажимать. Старый экран действительно был перечёркнут трещиной, но палец проходил через неё без помех. Артём попытался открыть прогноз на завтра и попал не туда. Егор не стал смеяться, только вернул нужное окно.

— Вот здесь. Не сверху, снизу.

— Вижу.

— Не видишь, ты опять сверху.

Артём поднял руки. Сын фыркнул и сам поставил значок туда, где отец его заметит. Получилось почти как раньше, когда Артём учил его держать отвёртку: никто не справлялся с первого раза, оба считали, что объясняют предельно ясно.

Позднее Лена ушла развешивать бельё, а Егор сел напротив со своим фонарём. Артём открыл городскую группу. Нашёл новость без фамилий, прочёл ещё несколько комментариев. Егор заметил и положил отвёртку.

— Я только посмотрю, — сказал отец.

— Ты уже посмотрел.

Внизу кто-то спрашивал, почему нет продолжения новости. Артём представил ответ: «Потому что меня выпустили, умники». Писать было неоткуда, сын вышел из своих учётных записей. Это неожиданно помогло — между желанием и кнопкой отправки появилось неудобство, на которое пока

не было сил.

— Я у Сергея попрошу, — сказал он. — Чтобы нормально объяснил, что сегодня решил суд. Без вот этого всего.

Егор вернулся к фонарю.

— Попроси.

Артём смотрел на экран. Выше комментариев была фотография закрытой двери мастерской. Не кабинета Григория, а общей двери со старой вывеской. Он сам прикручивал её, стоял на лестнице, а Григорий снизу командовал, что правый край ниже. Потом они поменялись местами, и выяснилось, что кривой был козырёк.

— Завтра похороны, — произнёс он.

Егор поднял голову.

— Ты пойдёшь?

— Не знаю.

Сын ничего не посоветовал. Крутил в пальцах маленький винт, прицеливался к отверстию. Артём выключил экран и положил планшет так, чтобы провод не мешал ему работать.

Глава 8. Его рубашка

Раиса Ивановна попросила расстегнуть верхнюю пуговицу.

Нина сначала не поняла. Наклонилась к ней, подумав, что речь о пальто, но свекровь показала на Григория.

— Он не любил так. Застёгнутым.

Сотрудник похоронной службы сказал, что лучше оставить как есть. Раиса посмотрела на него с недоверием: незнакомый человек за несколько часов успел узнать о её сыне что-то, чего теперь нельзя было объяснить матери.

— Там не туго, бабуль, — сказала Маша. — Видишь? Не туго.

Она показала пальцами маленькое расстояние, как будто воротник можно было измерить издалека. Раиса кивнула и больше не попросила.

Нина стояла возле них и смотрела на голубую ткань. Рубашка подошла. Та самая, с коротким рукавом, которую она вчера ещё могла заменить другой. Потёртый карман, знакомые пуговицы, маленькая дырочка внизу скрыта. На человеке лежала привычная вещь, и никакая привычка не помогала его узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.